

Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: к постановке проблемы. (Теоретический семинар. Саратовское региональное отделение Российской ассоциации политической науки 1 июня 2011 г.)

Theoretical seminar "The role of media in addressing the mismatch of" agendas "in Russia to the problem" (The Saratov Regional Branch of the Russian Political Science Association 1 June 2011)

УДК 32.01

Вопросы для обсуждения:

1. Что считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории? Какие разновидности «повестки дня» целесообразно выделять?
2. В какой мере современное российское общество с имеющимся у него ресурсом знаний о политике, с ресурсом мифов, идеологий и коммуникаций способно формулировать «повестку дня» и предоставлять, таким образом, исходный материал для дальнейшей работы СМИ?
3. Какова роль СМИ в установлении и регулировании различных «повесток дня»? Что отличает (и отличает ли вообще) в этом плане Россию от других государств? Чем это может быть вызвано?
4. Каким образом можно исследовать роль СМИ в процессах, связанных с формированием и существованием «повесток дня» общества и власти? Насколько уместным здесь может быть сравнительное изучение опыта России и США?

Questions for discussion

1. What is considered "agenda" in the political science understanding of this category? What kind of "agenda" it is expedient to provide?
2. The extent to which contemporary Russian society with its existing resources of knowledge about politics, with a resource of myths, ideologies, and communications can formulate the "agenda" and provide, therefore, the raw material for further work the media?
3. What is the media's role in establishing and managing the various "agendas"? What distinguishes (and distinguishes if at all) in this regard, Russia from other countries? What can be the reason?
4. How can we investigate the role of media in the processes associated with the formation and existence of "agendas" of society and government? As far as relevant here may be a comparative study of the experience of Russia and the U.S.?

В семинаре приняли участие: Шестов Николай Игоревич, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского, председатель Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (РАПН); Барышков Владимир Петрович, д-р филос. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института дополнительного профессионального образования СГУ; Вилков Александр Алексеевич, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ; Егоренков Дмитрий Анатольевич, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; Казаков Александр Александрович, канд. полит. наук, ассистент кафедры политических наук СГУ; Кузнецов Игорь Иванович, д-р полит. наук, доцент кафедры истории и теории политики МГУ им. М. В. Ломоносова; Мартынова Юлия Анатольевна, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации СГУ; Санжаревский Игорь Иванович, д-р полит. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тамбовского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ; Сергеев Сергей Геннадьевич, канд. полит. наук, доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; Скорородова Ольга Сергеевна, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук

Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столытина; Суслов Юрий Павлович, д-р ист. наук, профессор кафедры политических наук СГУ; Чекмарев Эдуард Владимирович, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столытина; Овчарова Ольга Геннадьевна, д-р полит. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной академии права; Богданов Артём Владимирович, аспирант СГУ; Некрасов Артём Викторович, аспирант СГУ.

Вступительное слово

Н.И. Шестов, д. полит. н., профессор

Добрый день, уважаемые коллеги! По сути, предложенный для нашего обсуждения доклад представляет собой заявку некоторых теоретических позиций, которые, по его мнению, могут быть интересны и которые можно как-то по-новому обыграть в рамках научного исследования более высокого уровня. В этой связи я бы хотел, чтобы наше обсуждение пошло по линии предложений и рекомендаций: как связать отдельные с виду разрозненные сюжеты, каким образом рассмотреть определенные позиции, чтобы они звучали актуально и по-новому для политической науки и, возможно даже, для политической философии. По традиции, сначала мы предоставим слово докладчику, затем он ответит на заданные ему вопросы, после чего каждый из присутствующих сможет высказать собственное мнение по обозначенным вопросам.

Доклад: «Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: к постановке проблемы»

А.А. Казаков:

Добрый день, уважаемые коллеги! Прежде всего, хотелось бы поблагодарить вас за интерес, проявленный к подготовленному мной докладу. Ваше мнение для меня действительно очень важно.

В современной политологической литературе термин «повестка дня» является достаточно устоявшимся и широко используемым. Не вдаваясь в научные нюансы данной категории и учитывая ее историческое происхождение (от англ. – agenda), приведем наиболее общие ее определения, предложенные Словарем современного английского языка издательства Лонгман: «перечень тем, подлежащих обсуждению»; «совокупность мер, которые необходимо принять»; или «вещи, которые у всех на устах». Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту этого образного термина, в сегодняшнем политическом дискурсе «повестка дня» обладает гораздо большим количеством смыслов, нежели принято ей отводить в обыденной речи. Причем расширение ее семантического наполнения происходило постепенно – на протяжении XX и XXI веков – по мере развития теории массовой коммуникации.

Отправной точкой в актуализации феномена «повестки дня», на наш взгляд, можно считать изучение воздействия материалов СМИ на общественное сознание классиками коммуникативистики: У. Липпманом («Общественное мнение», 1922 г.), П. Лазерсфельдом и Б. Берельсоном («Выбор народа», 1948 г.), Дж. Клаппером («Воздействие массовой коммуникации», 1960 г.). Позже внимание ученых было обращено к изучению косвенных эффектов масс-медиа: с подачи М. Маккоумза и Д. Шоу они начали рассматриваться в рамках более широкого процесса – «установления повестки дня» (agenda-setting). Именно эти исследователи сформулировали три базовые разновидности «повестки дня»: личную или внутреннюю (intrapersonal) – система приоритетов в отношении наиболее важных для самого индивида социальных и политических проблем; межличностную (interpersonal) – система приоритетов в отношении тех проблем, которые индивид обсуждает с членами своей микрогруппы; и предполагаемую общественную (perceived community agenda) – представления индивида о

том, какие проблемы являются наиболее важными для того сообщества, к которому он принадлежит.

В дальнейшем предложенное деление прочно вошло в исследовательский арсенал ученых, занимавшихся схожими проблемами. При этом как сами авторы теории «установления повестки дня», так и их последователи исходили (и исходят сегодня) из того, что главным субъектом формирования данных разновидностей «повестки дня» являются СМИ. Именно им отводится ключевая роль в определении содержания публичной «повестки дня». И именно к этому сюжету – механизмам формирования общественной «повестки» посредством масс-медиа – чаще всего обращаются современные авторы.

Между тем, помимо сугубо общественной «повестки дня», в политической науке выделяют также и другие ее разновидности. Так, например, в своей работе «Исследование государственной политики: циклы и подсистемы политики» М. Говлет и М. Рамеш отдельно рассматривают системную (или публичную) и институциональную (или формальную) «повестки». «В системную повестку дня входят все проблемы, заслуживающие публичного внимания (к примеру, проблемы системы образования, охраны здоровья, окружающей среды и т.д.). Собственно говоря, системная повестка дня – это повестка дня общества, поскольку она включает сотни важных общественных проблем, требующих решения с помощью институтов власти. Вместе с этим, лишь небольшая часть проблем системной повестки дня попадает в поле зрения власти. Проблемы, на которые власть обратила внимание, приняв к рассмотрению, автоматически переключаются из уровня системной (публичной) повестки дня в институциональную повестку дня. Следовательно, публичная повестка дня является регламентом для обсуждения, а институциональная – повесткой дня для действия, что указывает на начало процесса политики относительно этой проблемы».

Очевидно, что системная (публичная) «повестка дня» в интерпретации Говлета и Рамеша – суть то же самое, что общественная «повестка» в понимании исследователей, которые упоминались выше. А институциональная (формальная) «повестка» – это набор тем, которые являются приоритетными уже не для социума, а для власти. Примерно об этом же пишет и эксперт Центра политических технологий (г. Москва) Г. Ковалев. Он обосновывает наличие т.н. «политической повестки», включающей в себя список проблем, которые считаются не просто важными, но требующими для своего решения вмешательства государства. Разделяя общую логику размышлений этого ученого, позволим себе возразить ему в том, что конкретно понимать под «политической повесткой дня». На наш взгляд, данная категория должна подразумевать не столько проблемы, которые можно решить только усилиями государства, сколько, вообще, те сюжеты (вне зависимости от уровня их сложности), которые само государство считает для себя приоритетными. Так, например, для решения демографической проблемы, безусловно, необходимо участие государства. Однако само политическое руководство страны вовсе не обязательно будет считать эту проблему ключевой. Стало быть, ее не будет и в политической «повестке».

Если взять за основу предложенное нами понимание, то подобная градация общей «повестки дня» на общественный и властно-политический сектора в целом представляется не лишеной оснований. Кроме того, что у них совершенно разные носители (отдельная личность, социальная группа или общество – в первом случае и правящая элита – во втором), эти две разновидности «повесток», по нашему мнению, также разнятся между собой по содержанию и субъекту их формирования. Что касается содержательного наполнения каждой из них, то здесь мы склонны согласиться с мнением все тех же М. Говлета и М. Рамеша, в приведенной выше цитате утверждающих, что лишь часть

системной (читай – общественной) «повестки дня» соответствует структуре своего институционального (то есть политического) аналога.

В вопросе же о субъектах формирования общественной и властной «повесток» мы полагаем, что публичная «повестка дня» складывается преимущественно под воздействием СМИ, а политическая – под влиянием интересов и намерений руководства государства либо же сил, способных диктовать ему свои условия. При этом, если в отношении решающей роли СМИ в определении общественной «повестки» в науке наблюдается относительное единодушие, то вопрос о факторах, детерминирующих «повестку дня» власти, с одной стороны, является гораздо более дискуссионным и менее разработанным – с другой. Так или иначе, но разность носителя, содержания и субъекта формирования этих «повесток», на наш взгляд, являются достаточными основаниями для того, чтобы считать их самостоятельными феноменами.

Более того, та роль, которую играют в этих процессах СМИ, позволяют говорить о существовании третьей разновидности «повестки дня» – медийной или информационной. Необходимо отметить, что подобный подход встречается в науке значительно реже предыдущих. Разумеется, проблеме политического потенциала и воздействия медиа-структур на общественное сознание традиционно уделяется много внимания. Однако исследования данного сюжета именно в таком ракурсе – через «повестку дня» – являются, скорее, исключением из правил. По крайней мере, на сегодняшний день нам удалось обнаружить совсем немного работ, в которых говорится о существовании медийной «повестки дня».

Одну из них мы уже упоминали. Г. Ковалев определяет информационную повестку как набор из пяти-семи различных тем, предлагаемых новостными СМИ для ознакомления обществу. От себя добавим, что эти темы должны регулярно предлагаться аудитории в течение более или менее длительного периода времени. Не отрицает возможности СМИ самостоятельно формировать «повестку дня» (не уточняя, правда, какую) и М. Мамонов. Очевидно, что от общественной и политической «медиа-повестка» отличается как содержанием, так и своим носителем: в данном случае им будет не социум и не власть, а сами СМИ. В этой связи мы убеждены, что рассмотрение информационной «повестки дня» в качестве самостоятельного феномена способно привести к весьма значимым как для политической теории, так и для практики научным результатам.

Вообще, если исходить из того, что политический процесс – это многоуровневое пространство с большим количеством субъектов, то при желании собственные «повестки дня» можно выявить практически у каждого более или менее значимого политического актора. Так, если говорить об институтах власти конкретного государства, свои артикулированные политические интересы (читай – «повестки») легко обнаружить у власти федеральной, у власти отдельного региона и муниципалитета. На уровне международных отношений количество субъектов «повестки дня» значительно увеличивается: к традиционным государственно-властным институтам добавляются самые разнообразные над- и негосударственные организации, движения и объединения. Если же выйти за пределы властного политикума, то собственные политически ориентированные установки найдутся и у институтов гражданского общества, и у бизнес-структур, и у различных профессиональных и этнических сообществ, и т.д. Иначе говоря, деление «повестки дня» на политическую, общественную и медийную составляющие представляет собой лишь часть огромного спектра ее разновидностей, а значит, вполне уместно говорить о существовании множественности «повесток».

На наш взгляд, в условиях подобной фрагментарности нередки случаи, когда «повестки» самых различных политических субъектов между собой разобщены и потому не составляют внутреннего смыслового единства. Скажем, интересы и мотивация

деятельности власти никак не совпадают с устремлениями общества, либо же лишены «общего знаменателя» установки этнических и профессиональных общностей. Более того, подобная множественность, по нашему мнению, серьезно осложняется тем, что иногда «повестки» оказываются не только предельно разобщенными между собой, но и вступают в прямое противоречие друг с другом. В условиях разности интересов и потребностей отдельных политических субъектов вполне закономерным представляется и конфликт их «повесток»-устремлений. Так, например, политическая практика знает массу примеров того, как власть пытается искусственно формировать «повестку дня» общества в случаях, когда реальное содержание этой «повестки» ей невыгодно: скажем, если государству не удастся эффективно решать острые социальные проблемы, оно может попытаться сфокусировать внимание людей на международных процессах.

Вкупе с лавинообразным ростом количества самих «повесток» такие «напряженности» между ними создают видимость бессистемности и хаотичности политического процесса. При первом рассмотрении складывается ощущение, что система в целом находится в кризисе, так как не работают либо же вообще напрочь отсутствуют важнейшие коммуникационные каналы и механизмы, призванные обеспечивать согласованное функционирование властных институтов.

Для иллюстрации данного тезиса обратимся к сфере межгосударственного взаимодействия России и США. Очевидно, что в отношениях этих двух стран уместно говорить о наличии достаточно большого количества «повесток дня» различных политических субъектов. У действующих властей указанных государств имеется собственный набор актуальных тем и интересов, входящих в т.н. «официальную повестку»: сотрудничество в сфере международной безопасности, совместное участие в решении глобальных проблем, «пере(за)грузка» отношений и т.д. Помимо этого, на все том же политическом межгосударственном уровне существует и т.н. «негласная повестка», включающая в себя риторику и России, и США о претензиях на мировое лидерство и статус сверхдержав. Естественно, что уже между этими двумя «повестками» наличествует определенное, если не противоречие, то разнонаправленность и напряжение.

Кроме названных, в сфере российско-американских отношений присутствуют и другие, напрямую не связанные с политикой «повестки». Общественная, например. Для многих россиян Америка за последние несколько десятилетий стала чуть ли не образцом стиля и образа жизни, своего рода эталоном, к которому нужно стремиться. С другой стороны, для американцев Россия – это по-прежнему загадочная и зачастую пугающая своей дикостью и неизведанностью страна. Совершенно иные приоритеты и ценности можно легко обнаружить в «повестках» бизнес-сообществ, научных кругов, культурных деятелей, спортсменов, медиков двух стран и т.п. Какую сферу российско-американских отношений мы ни взяли бы, везде обнаружится определенное рассогласование либо «повесток дня» одного уровня, либо же между «повестками» различных уровней. Результатом же подобных несовпадений чаще всего являются проблемы в коммуникационном взаимодействии двух стран, которые, в свою очередь, способны усложнить и без того непростые отношения между Россией и Америкой.

Вместе с тем, позволим себе предположить, что наблюдаемая бессистемность и кажущаяся хаотичность «повесток дня» – это вовсе не окончательный «диагноз» политической системы. На наш взгляд, одним из ключевых рычагов, при помощи которых можно устранить подобную рассогласованность, являются средства массовой информации. Представляется, что именно СМИ способны выполнять в отношении огромного количества самых разнообразных «повесток» целый набор упорядочивающих и структурирующих функций.

Прежде всего, СМИ призваны аккумулировать различные виды «повестки дня». По большому счету, любой из вышеупомянутых подвидов «повестки дня» приобретает политический характер лишь тогда, когда он артикулируется в средствах массовой информации. Такое объединение и перевод изначально разрозненных и разноформатных политических установок на единый медиа-язык, на наш взгляд, уже является весомым залогом интеграции коммуникационной составляющей политического пространства. Более того, СМИ могут не только аккумулировать уже существующие, но и самостоятельно генерировать собственные «повестки», делая достоянием общества и власти факты, до этого скрытые от всеобщего внимания.

Кроме этого, медиа-структуры обладают возможностями определенным образом форматировать уже существующие «повестки» – изменять ракурс их рассмотрения, сужать или расширять проблемное поле и т.п. Тесно с этим связана и возможность СМИ ранжировать имеющиеся «повестки». Известно ведь, что любой, даже самый мелкий и сугубо индивидуальный повод, может приобрести общегосударственную, а порой и международную, значимость, если на него обратят внимание масс медиа. Примеров этому можно привести сколько угодно много. Те же сюжеты, на которые уже было обращено внимание, пресса распределяет в соответствии с уровнем ей самой определяемой важности.

Наконец, еще одной частью интегративного потенциала СМИ является их способность управлять «повестками». Именно они задают темп рассмотрению тех или иных вопросов, определяют тональность медийного дискурса, выбирают направленность информационных кампаний и т.д. На наш взгляд, все это вместе как раз и определяет возможности СМИ по упорядочиванию внушительного массива разнообразных «повесток дня». В этом отношении политическая роль медиа представляется нам особенно важной: из придатка политической системы СМИ превращаются в ее базовый элемент, обеспечивающий нормальное осуществление политического процесса. Проводя аналогии с устройством автомобиля, можно даже сказать, что СМИ – это своего рода «раздатка» политики. Без нее система не способна не только к развитию, но и просто к эффективному функционированию.

Основная проблема видится нам здесь в том, что описанные выше ресурсы СМИ зачастую существуют только в теории, а на практике реализуются в нашей стране из рук вон плохо. В этом смысле Россия представляется нам весьма показательным примером. Уподобление СМИ четвертой власти в последнее время у многих совершенно обоснованно вызывает лишь улыбку. На наш взгляд, современные российские масс медиа гораздо больше ориентированы на власть и ее «повестку дня», нежели на социум с его интересами, проблемами и системой приоритетов. В этом плане довольно красноречивым, по нашему мнению, является тот факт, что сегодня в традиционных СМИ практически не осталось т.н. «колонок читателя», в которых рядовые представители общества могли бы высказать свое мнение. В электронных изданиях, разумеется, такая возможность имеется, однако постоянными пользователями сети Интернет в России по-прежнему является лишь часть общества. Недостатка же информации о деятельности власти, напротив, как правило, не наблюдается.

Таким образом, вопреки приводившимся выше мнениям, СМИ отнюдь не формируют общественную «повестку дня», а все чаще используются властью в качестве орудия для внедрения ее собственной «повестки» в массовое сознание читательской аудитории. Тем самым они практически не выполняют функции по аккумулированию, генерированию, форматированию, ранжированию и управлению многообразием «повесток», занимая вместо этого подчиненно-обслуживающее по отношению к политической системе положение.

Причин сложившейся ситуации может быть несколько. Ее истоки можно обнаружить в том числе и в историческом опыте развития отечественного медиа-пространства. По большому счету, если не брать в расчет непродолжительный период существования партийной прессы в начале двадцатого века, в России и в СССР СМИ всегда так или иначе зависели от государства. Преодолеть эту традицию за одно-два десятилетия вряд ли возможно. Однако списывать все на историческое наследие тоже, наверное, неправильно. Судя по всему, имеют место и другие основания нынешней роли СМИ.

Вполне вероятно, что обслуживать интересы государства, а не общества медийщиков заставляют сложившиеся сегодня экономические реалии. Выйти на самоокупаемость в существующих условиях практически невозможно, а потому приходится отстаивать интересы того, кто готов за это заплатить. Чаще всего таким субъектом становится государство. Достаточно тесно с экономической причиной переплетается и политическое основание, а именно то, что сама власть допускает для себя возможность не только внедрять через СМИ в общественное сознание собственную «повестку», но и создавать такие условия, когда ничего другого медиа-структурам фактически не остается.

Наконец, не стоит сбрасывать со счетов и еще одну возможную причину – нежелание самих СМИ налаживать коммуникационные связи и каналы обратной связи с обществом. Охотно допускаем, что данное занятие вполне может показаться им достаточно трудоемким, хлопотным и в чем-то даже опасным. Особенно учитывая то, что реальная общественная «повестка» вряд ли понравится власти. В этом смысле гораздо приятнее внедрять то, что предлагается сверху, чувствовать себя уверенно и не опасаться за судьбу своего информационного ресурса.

Мы полагаем, что, скорее всего, в реальности имеет место сочетание всех этих и, возможно, других – оказавшихся вне нашего внимания – причин. Однако в любом случае данная проблема нуждается в отдельном изучении. Ключом же к ее решению вполне может быть сравнительное исследование опыта медийного регулирования различных «повесток» в отдельных странах. Так, например, на данный момент нам кажется особенно продуктивным соотнесение российских и американских реалий. Качественный сравнительный анализ механизмов взаимодействия «повесток дня» с участием СМИ в этих государствах наверняка позволил бы сформулировать целый ряд полезных для нашей страны и отечественной политологической науки рекомендаций.

Спасибо за внимание!

Вопросы к докладчику

Ю.П. Сулов: Не совсем понятно, роль каких СМИ – государственных, частных, партийных и т.д. – вы собираетесь анализировать. Кроме этого, мне представляется, что необходимо четко определить временные рамки исследования.

А.А. Казаков: Вопрос о наборе конкретных СМИ, материалы которых нужно анализировать для решения поставленной исследовательской задачи, я тоже считаю одним из основных. В рамках своей кандидатской диссертации я изучал специфику работы изданий, максимально приближенных к позиции действующей власти – «Российской газеты» и «Вашингтон Пост». Теперь же считаю необходимым серьезно расширить эмпирическую базу. В частности, возможно, имеет смысл взять по одному-два представителя от каждого из перечисленных Вами «лагерей»: государства, партий и общества. Что же касается хронологических рамок исследования, то пока этот вопрос мною окончательно не решен. Скорее всего, чтобы получить более или менее

верифицируемые результаты, это должен быть период, протяженностью не менее пяти лет. Скажем, с 2012 по 2016 годы.

Д.А. Егоренков: Хотелось бы уточнить, что Вы понимаете под рассогласованностью «повесток дня». Несовпадение между информационной и общественной «повестками»?

А.А. Казаков: Не только. Между медийной и политической, между политической и публичной «повестками» и т.д. То есть между основными разновидностями «повесток дня».

Э.В. Чекмарев: Что будет выступать в качестве объекта и предмета вашего исследования?

А.А. Казаков: Объектом будут конкретные российские и американские СМИ, а предметом – их деятельность по формированию и выстраиванию «повесток дня». Хотя в дальнейшем я не исключаю возможности корректировки предмета.

Ю.А. Мартынова: Насколько я поняла, проблему «повестки дня» автор связывает со способностью СМИ ее формировать. Я думаю, что сегодня вряд ли возможно говорить о решающей роли масс медиа в этом процессе. Информации сейчас чрезвычайно много, и столь же много каналов, по которым она передается. Реальность сегодняшнего дня такова, что СМИ не могут воздействовать на массовое сознание так, как прежде. Поэтому вполне уместно говорить о наличии различных типов «повесток дня». В этой связи меня интересует вопрос о том, есть ли какие-либо закономерности в том, как СМИ структурируют разрозненное множество «повесток». Каким образом можно улучшить коммуникационные взаимодействия в обществе? И возможно ли это в принципе?

А.А. Казаков: Уважаемая Юлия Анатольевна, ответы на все сформулированные Вами вопросы я как раз и хочу получить в ходе предполагаемого научного исследования. В настоящий момент я могу лишь предполагать наличие определенных, самых общих закономерностей.

Обсуждение доклада:

Шестов Н. И.: На мой взгляд, вопрос о «повестке дня» политики – это, в сущности, еще и вопрос о системности политики, то есть о мере ее хаотичности и организованности, о степени рациональности поведения субъектов политики. Кроме того, вопрос о «повестке дня» важен также в методологическом отношении для изучения политических процессов, так как он связан с определением «точки отсчета» при анализе любого политического процесса. От этой аналитической процедуры зависит в том числе и то, что мы будем считать «конечной точкой». Таким образом, вопрос «повестки» важен и в плане определения итогов политического взаимодействия. Из всего этого вытекает возможность поговорить о политической субъектности в совершенно ином исследовательском ракурсе. У нас есть статусная, правовая, ресурсная, функциональная и прочие стороны политической субъектности. Вместе с тем есть также субъектность тех, кто «заказывает музыку», тех, кто «под нее пляшет», и тех, кто разрабатывает алгоритмы этих «плясок», – имею в виду разного рода экспертные и научные сообщества. Получается, что есть возможность посмотреть на политическую субъектность как на нечто определяемое творческими и интеллектуальными потенциями политического процесса. На мой взгляд, с этих позиций можно было бы высказать интересные суждения о том, как сегодня идет процесс обеспечения политики идеологическими императивами при отсутствии организованной работы по их выработке, и ответить на вопрос, почему не наделенные какими-то эксклюзивными политическими ресурсами институты (СМИ, например) оказываются системообразующими элементами политики.

Вилков А. А.: Буду ориентироваться на вопросы, предложенные для обсуждения. В отношении первого тезиса. А. А. Казаков констатирует в своем докладе наиболее часто используемые в науке традиционные понятия личной, межличностной и групповой

«повесток дня» и не менее традиционное деление на публичную «повестку дня» и «повестку» принятия политических решений – то есть институциональную. Главное же предложение автора доклада сводится к возможности более активного использования в политологии категории «медийная повестка дня», с помощью которой можно всесторонне исследовать самостоятельную политическую субъектность СМИ. Не подвергая сомнению возможности СМИ в формировании и ранжировании самых различных «повесток дня» (личных, групповых, партийных, региональных, субрегиональных, общенациональных и т. д.), хочу остановиться на дискуссионности самостоятельности политической субъектности СМИ, которая предложена А. А. Казаковым.

На мой взгляд, имеет место явная идеализация западной демократической системы и той свободы, которую имеют западные СМИ в реализации своих политических функций. Идеально типическое понимание политической системы просматривается даже в названии самого доклада: «Роль СМИ в устранении рассогласованности “повесток дня” в России: к постановке проблемы». Оно предполагает, что в принципе возможна согласованная «повестка дня», именно к ней и должны стремиться все субъекты политики, включая и СМИ. Главная ошибка, как представляется, состоит в том, что А. А. Казаков исходит из так называемой рациональной теории демократии и, соответственно, общественно ориентированного функционирования всех элементов демократической политической системы. На самом деле это миф даже для самых стабильных «демократических» систем, и тем более для переходных систем. А. А. Казаков выделяет в качестве оснований для политологического анализа субъектное и содержательное начало публичной и властнополитической «повесток дня», но при этом не учитывает функциональную многослойность политической деятельности данных субъектов (в том числе и СМИ). А она, в свою очередь, определяется известной амбивалентностью природы политики и, соответственно, государственной власти. Суть этой амбивалентности заключается в противоречии между общественно-публичным и частно-корпоративным ее измерениями, то есть идеально заданные общественные функции и цели государства и отдельных субъектов политики постоянно входят в противоречие с корпоративными и эгоистическими интересами элитных и бюрократических группировок, лишь формально декларирующих свои цели от имени народа и во благо всего народа. В рамках политического менеджмента данная амбивалентность признается многими специалистами, например Д. Андерсоном.

Публично российские политики, например, ратовали за интересы всех автовладельцев в принятии Закона об обязательном страховании. Реально от продвижения данного законопроекта выиграли прежде всего страховые кампании. Монетизация льгот публично обосновывалась как демократизация социальной функции государства – реально позволила урезать 15% государственных расходов в этой области.

Расхождение между публичными заявлениями и реальными целями субъектов политики – это важнейшее обстоятельство, не позволяющее исходить из идеально-типического понимания политической системы. Другое обстоятельство связано с расхождением между декларируемыми и реальными возможностями субъектов политики и политической системы в целом. Явный популизм в нашей стране, надеюсь, изжит окончательно, но завуалированный имеет место, как и в любой стране. Неслучайно некоторые экономисты предлагают рассматривать период выборов как один из основных факторов экономической цикличности (завышенные обещания политиков в области расходов приводят к повышению дефицита бюджета, к росту долгов и иных обязательств, к росту инфляции, а затем к осложнению экономической ситуации).

По второму тезису. Как народ в рамках демократии не может управлять сам собой, так и общество не способно формулировать «повестку дня». В этом принимают участие

различные институты гражданского общества, каждый из которых отражает и защищает либо интересы социальной группы, либо определенную сферу деятельности граждан. Однако главную роль в артикуляции и агрегировании общественных проблем, требующих политических решений, играют субъекты политики. Для них совокупность общественных проблем представляет главный ресурс для формулирования и публичной демонстрации своих предвыборных программ. Однако при этом важно учитывать обозначенную многослойность и противоречивость публичной и реальной функциональности субъектов политики, в том числе и СМИ. Исходить целесообразно именно из функционального понимания.

Для СМИ главная задача – привлечь к себе читателей/зрителей. Конкретные журналисты стремятся повысить свой рейтинг и заработную плату («ради красного словца не пожалеют и отца»). Для политиков главными являются имиджевые задачи и борьба за голоса избирателей. Общественные проблемы – это важнейший базовый ресурс политической борьбы: кто лучше сформулирует, предложит, «упакует» в программу, сделает более привлекательной и т. д. Для некоторых политиков процедура публичного оформления общественных проблем представляет собой главный имиджевый ресурс.

Поэтому на первый план выдвигается проблема выигрышности информационных поводов вокруг различных общественных проблем, а также проблема их ранжирования. Конкуренция вокруг процессов политизации данных социальных проблем и представляет, на мой взгляд, главную заслугу демократии как системы. Но при этом никуда не уходит противоречие между декларируемым и реальным интересом субъектов политики; между декларируемым и целесообразным; между декларируемым, целесообразным и возможным. Результатом чаще всего является компромисс в принятии и реализации политического решения на основе нахождения баланса между декларируемым, реальным, целесообразным и возможным. Там, где этот баланс учитывает общественные интересы, – более или менее стабильная политическая система. В России такого баланса пока не сложилось.

Обращаясь к третьему тезису – мне представляется, что А. А. Казаков преувеличивает политическую субъектность СМИ как автономную и целерациональную. На самом деле политическая роль СМИ в первую очередь определяется коммерческими интересами. Общественные проблемы выступают для СМИ как источник информационных поводов для зарабатывания денег (в этом совпадение общественных интересов и интересов СМИ). Но если главные субъекты политики – бизнес-элиты – в своих непубличных стратегиях будут руководствоваться другими интересами, то они могут изменить и медийную «повестку дня».

Также и властные структуры, например, для легитимации своей внешней политики могут искусственно ранжировать информационные поводы, то есть манипулировать публичной «повесткой дня». Это характерно не только для России, но и для демократических стран. Свидетельством тому, например, могут служить двойные стандарты западных журналистов, используемых ими, с одной стороны, в отношении войны в Ливии, представляемой как война против диктатора за торжество демократии, а с другой – в замалчивании жестокого подавления с помощью наемников восстания шиитского большинства против суннитского правящего меньшинства в Бахрейне.

Поэтому вряд ли есть смысл говорить о возможностях СМИ самостоятельно «генерировать собственные “повестки”, делая достоянием общества и власти факты, до этого скрытые от всеобщего внимания». То же – о возможностях «определенным образом форматировать уже существующие “повестки”» – изменять ракурс их рассмотрения, сужать или расширять проблемное поле и т. п. Тесно с этим связана и возможность СМИ ранжировать имеющиеся «повестки».

Например, А. А. Казаков утверждает, что «любой, даже самый мелкий и сугубо индивидуальный повод может приобрести общегосударственную, а порой и международную значимость, если на него обратят внимание массмедиа».

Вопрос как раз и заключается в том, что на некоторые проблемы обращают внимание, а на некоторые – нет. Почему? Кто это решает? От кого это зависит? Ответы на эти вопросы А. А. Казаков вряд ли сможет найти, так как они лежат не в области публичной политики. В авторитарных системах здесь все понятно, но и для демократических систем свобода журналистов носит относительный характер. Авторский критический ракурс в адрес России вполне справедлив, но он в такой же степени в основе своей справедлив и для других стран, в том числе и самых демократических.

Я уже пять лет регулярно читаю материалы сайта ИНОСМИ и могу засвидетельствовать стабильное наличие необъективности и предвзятости в освещении многих российских и мировых проблем. Ничего не могу сказать о наличии цензуры и спускаемых сверху установок в их освещении но о наличии «внутренней» цензуры журналистов могу утверждать однозначно. В их основе лежат мировоззренческие и идеологические шоры, которые, в свою очередь, закладывает мощная и эффективная система социализации. Например, внедрение стереотипов о превосходстве американской системы, о необходимости вести борьбу за внедрение американских принципов и институтов во всем мире срабатывает и на журналистском уровне. Поэтому реально идет борьба за нефть и другие ресурсы, а демократические СМИ и демократические общественные организации выступают как инструменты прикрытия и декорирования войн против диктаторов и стран-изгоев.

В отношении четвертого тезиса я считаю, что изучать эти проблемы нужно, но изначально понимая сложность данной научной задачи. Очень важно не поддаваться на манипуляционные уловки западных СМИ, ведущих активную и изощренную информационную войну против современной России на основе использования все новых и новых технологий.

Суслов Ю. П.: Рассматриваемая сегодня тема, безусловно, очень интересна. Однако я настаиваю на том, что для ее изучения необходимо взять либо внутри-, либо внешнеполитический аспект, а также выбрать конкретные хронологические рамки исследования. Иначе тема будет просто безбрежной.

Кузнецов И. И.: Данная тема мне достаточно хорошо знакома – в свое время я ею также занимался. Кроме того, мне знакома также и большая часть упреков, которые прозвучали из уст А. А. Вилкова. Хочу поддержать Александра Александровича в том, что данная тема – одна из самых актуальных и «мейнстримовых» в современной политологии. Угол зрения, предложенный А. А. Вилковым, был характерен для публикаций конца девяностых – начала двухтысячных годов. Здесь необходимо сразу определиться с тем, насколько все связанные с управлением «повестками» сюжеты есть следствие рационального и эмоционально-аффективного. При этом нужно обязательно учитывать формат СМИ.

Необходимо отметить, что теория «повестки дня» – это теория среднего уровня, которая помогает объяснить актуальное и насущное «здесь и сейчас» в масштабах региона или страны. Далее: психологи утверждают, что на стадиях перехода от одного уровня «повестки дня» к другому существенно модифицируются технологии их формирования. В этом смысле я бы порекомендовал А. А. Казакову обратить внимание на работу Э. Нозль-Нойман «Спираль умолчания». В своем нынешнем виде обсуждаемая нами сегодня работа – это заявка на серьезное исследование, в ходе которого его автору придется ответить на

целый ряд вопросов. Один из них – вопрос конкуренции в деле установления «повестки дня», и в том числе ее нормативной основы. Здесь я предлагаю обратиться к исследованию политического процесса через призму анализа ресурсов (школа неореализма, Дж. Най – концепция «мягкой силы»). Заход с этой стороны способен привести к весьма интересным выводам. Например, к тому, что «повестка» российско-американских отношений имеет ограниченное количество участников, или субъектов ее установления.

Еще один важный вопрос – соотношение публичного и непубличного в установлении «повестки дня». В частности, применительно к России и Америке публичной «повесткой», по сути, является лишь так называемая перезагрузка. Все остальное – третье позиционное кольцо, секторальная ПРО и т. д. – суть непубличная «повестка».

В целом же сформулирована очень серьезная исследовательская проблема. Уверен, что Александру Александровичу удастся ее решить.

Мартынова Ю. А.: Несмотря на то что термин «повестка дня» не является новым и используется довольно давно, очевидно, что тот круг проблем, который он покрывает, изучен еще недостаточно.

Как отметил в своей статье Александр Александрович, феномен «повестки дня» в последнее время заметно актуализировался и стал привлекать к себе все большее внимание исследователей. Из этого можно заключить, что понятие «повестки дня» характеризуется многозначностью и недостаточной проработанностью в современных политологических и социологических теориях. Материал, представленный автором, это наглядно демонстрирует.

Ключевой ролью в такой актуализации, по мнению автора, который опирается как на классиков коммуникативистики, так и на более современные исследования, следует считать воздействие СМИ на общественное сознание. Следовательно, проблеме «повестки дня» автор связывает с возможностями СМИ ее формировать. Под «формированием» повестки дня понимается акцентирование средствами массовой информации тех проблем либо аспектов проблем, которые были бы наиболее актуальны для общественного сознания в определенный момент времени.

Как мне кажется, если еще недавно можно было говорить о главенствующей роли СМИ в определении общественной «повестки дня», то с развитием информационных технологий, с появлением сети Интернет доступ к информации стал настолько широким, а самой информации стало настолько много, что чрезвычайно трудно четко выделить «повестку дня» даже в короткий отрезок времени. Сейчас люди не воспринимают СМИ как нечто, чему следует безоговорочно доверять и в соответствии с чем следует строить свои убеждения. Скорее, здесь присутствует свободный выбор: среди множества тем, обсуждаемых СМИ, какие-то захватывают внимание, а какие-то оставляют равнодушными. Несмотря на существование классификаций, разработанных разными исследователями и на которые ссылается А. А. Казаков, следует признать, что имеющиеся таксономии порой не позволяют адекватно оценить реальные «повестки дня» как отдельных индивидов, так и общества в целом.

Данная проблема – многоуровневость политического пространства, фрагментарность и порой противоречивость «повесток дня» – вполне осознается автором, и задача, требующая решения, – это возможность выявить закономерности, порождающие именно такие «повестки дня» в тот или иной момент. Естественным шагом было сузить область исследования, и, видимо, поэтому, автор остановил свой выбор на сравнении «повесток дня» России и Америки. Как представляется, такое решение является вполне

приемлемым, несмотря на то что эти два социума очень сильно разнятся по многим параметрам, как историческим, так и социально-политическим.

Как справедливо отметил в своей реплике профессор В. А. Труханов, рассматривая гражданское общество в России, можно сказать, что аналогов ему в современном мире, пожалуй, нет. То есть аналогии с западными нормами либерально-демократической организации просматриваются, но, с другой стороны, эти аналоговые модели демократии по результатам функционирования в целом сильно отличаются. Тем не менее если четко выработать критерии для сравнения, то, может быть, именно социальные различия помогут выявить механизмы формирования «повесток дня» с помощью СМИ. Другими словами, необходимо локализовать проблему и выработать некий список «повесток дня» – скажем, «повестки дня» внешней политики, внутренней политики и т. п., которые и подвергнуть сопоставительному анализу.

Кроме того, было бы интересно проанализировать роль самого общества в формировании «повесток дня». Очевидно, что СМИ выполняют направляющую, идеологизирующую функцию при создании общественного мнения, однако эта функция может проявляться как с позитивной, так и с негативной стороны, то есть порой возникающая «повестка дня» становится прямой противоположностью тому, к чему призывают либо оценивают СМИ. С этой точки зрения любопытно было бы проанализировать мониторинг общественного мнения, проводимый в рамках социологических исследований.

Более частным аспектом проблемы является изучение взаимосвязи «общественной» и «институциональной» «повесток дня»: что делается властными структурами для того, чтобы институциональная повестка дня переросла в общественную, и какие для этого используются средства?

Если существуют закономерности, с помощью которых СМИ выполняют структурирующую функцию в формировании «повесток дня», то нельзя ли с их помощью улучшить коммуникационное взаимодействие пусть даже не между разными странами, а хотя бы внутри одного общества? Другими словами, можно ли управлять потенциалом СМИ, направлять его?

Вполне возможно, что для автора будут полезны исследования, проводимые представителями смежных наук, в частности филологами, посвященные проблемам коммуникации. Так, например, можно обратиться к работе нашего коллеги по университету В. В. Дементьева (Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000. 248 с.).

Овчарова О. Г.: Обсуждаемая проблема, безусловно, сложная, интересная и актуальная. И нельзя не согласиться с Александром Александровичем в том, что и сложность, и интерес, и актуальность темы относятся как к ее теоретическому, так и к прикладному аспектам. Потому что и в том и в другом случае наблюдается очевидная неопределенность, неразрешенность вопроса, вызванная, как верно отмечает автор, разницей предпочтений и задач акторов политического процесса, которая и выражается в различных интерпретациях термина «повестка дня» и рассогласованности действий при ее формировании на практике.

В таком ракурсе вопрос о том, что же считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории, вполне закономерен. И здесь, наверное, следует отталкиваться от ключевого понятия политологии – «политика». Если понимать политику как управление, упорядочение общественной жизни, то политической «повесткой дня» является артикуляция наиболее насущных проблем, от решения которых будет зависеть стабильность социальной и политической систем того или иного государства. Если

рассматривать политику, к примеру, в интерпретации М. Вебера – как стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, – то «повестка дня» определяется обозначенными в определении целями. В некоторых случаях она может быть чистой риторикой или просто конъюнктурной. Иными словами, политическая (или институциональная, как в докладе) «повестка дня» будет зависеть от смысловой нагруженности, которую получает политика в зависимости от ее практических целей и их реализации.

Разновидностей «повесток дня», опять-таки нельзя не согласиться с Александром Александровичем, тоже может быть много. И это естественно в силу динамики, мобильности развития социально-политических отношений, наличия разных уровней политического управления. Если государство, его экономика, политика стабильны, социально ориентированы, то рассогласования действий при решении вопросов, стоящих на «повестке дня», удастся избежать. Они решаются на основе устоявшейся системы политических действий. Иное дело в современной России, где игнорирование ключевой «повестки» – решение проблем социально-экономической незащищенности граждан – и перманентная презентация иных «политически-значимых» вопросов вызывают представление о хаотичности деятельности власти либо же о ее бездействии и решении исключительно собственных проблем.

В силу сказанного выше с трудом можно говорить о том, что российское общество как таковое формулирует «повестку дня». В этом вопросе, возможно, следует обратиться к социологическим исследованиям. Выяснить, какие социальные группы политически более ориентированы и чьи действия в состоянии предоставлять исходный материал для дальнейшей работы СМИ (ведь значительное число россиян не интересуется политикой). При этом опять-таки надо учитывать формат непосредственно самих СМИ, их открытость либо «придворность» и подачу информации с одной точки зрения. Понятно, что в настоящее время анекдот советской эпохи о Наполеоне и советских СМИ не актуален (когда Наполеона спросили, что он думает о газете «Правда», он ответил, что, будь у него такая газета, никто и никогда бы не узнал о Ватерлоо), тем не менее центральные газеты и телевизионные каналы предоставляют информацию, в зависимости от реакции на нее, весьма дозированно, что-то бурно дискутируется и массово тиражируется, что-то вообще упоминается крайне осторожно и редко (к примеру, ситуация с бывшими руководителями «ЮКОСа» или озвучивание низкого уровня жизни большого количества россиян). В соответствии с этим же расставляются акценты и подается интерпретация событий. Хотя это может быть оправдано и такими целями, как попытка политической интеграции общества, его стабилизации. Подобная ситуация наблюдается и в других странах. (Интересно в таком контексте, как можно характеризовать свадьбу принца Уильяма (а это событие не просто было «повесткой дня», а медийной «повесткой» целого временного отрезка) – как политическую «повестку дня» или нет?)

Говоря о роли СМИ в процессах, связанных с формированием и существованием «повесток дня» общества и власти, можно обратиться к словам Е. Б. Шестопаля, которая пишет о том, что, наверное, нет сегодня большей власти, чем власть виртуальная. Самое удивительное даже не в том, что населением сегодня управляют с помощью телевизионного пульта; сама власть верит только в то, что прочтет в свежей газете или увидит в выпуске теленовостей.

Что касается сравнения опыта США и России при изучении роли СМИ в формировании политической «повестки дня», это уместно, но, естественно, при соблюдении законов компаративистики и выявлении особенностей восприятия и политического поведения граждан этих стран, их традиций в отношении доверия к СМИ.

Здесь также может быть ключевым вопрос о правовой ответственности СМИ и исполнении этой ответственности за подачу той или иной информации.

И последнее. Хотелось бы посоветовать Александру Александровичу при дальнейшей разработке этой темы обратить внимание на такие теоретические конструкции, как «индивидуализация политики» и «глобальные СМИ». Первая интерпретирует феномен влияния средств коммуникаций на политическое поведение человека на фоне современной тенденции к ослаблению зависимости поведения граждан от социальногрупповых структур и политических партий (Р. Далтон). Вторая характеризует деятельность нового транснационального актора – СМИ, ориентированных на всемирную, главным образом англоязычную аудиторию, которые формируют современную «повестку дня» (М. М. Лебедева). Автор так или иначе затрагивает эти вопросы в работе, но, возможно, более глубокий анализ данных феноменов позволит решить уже стоящие на «повестке дня» его научных изысканий вопросы и найти новые.

Чекмарев Э.В.: Тема мне кажется действительно интересной. Я считаю, что более правильным и актуальным было бы сделать объектом и предметом исследования не сами СМИ, а формируемые ими «повестки дня». Формирование внятной формулировки «повестки дня» является крайне актуальным как для власти, так и для общества. На сегодняшний день имеет место эклектика и мешанина большого количества «повесток». Думаю, что выходом из сложившейся ситуации может быть помещение в фундамент общей «повестки» четырех базовых принципов: демократия, ценности, свобода и справедливость. Отталкиваясь от этих оснований, целесообразно анализировать состояние современной российской «повестки». Таким образом, повторюсь, было бы более целесообразно попытаться сформулировать конкретные «повестки дня» российской власти и общества.

Егоренков Д.А.: Если говорить о роли СМИ в демократическом обществе, то нынешняя формулировка обсуждаемого доклада представляется мне не совсем правомерной, так как там роль СМИ должна заключаться не в устранении, а в обеспечении рассогласованности. В этом плане куда более уместным мне кажется говорить о роли СМИ в устранении рассогласованности общественной «повестки дня». Таким образом, я согласен с Эдуардом Владимировичем в том, что объектом исследования должны быть не СМИ, а «повестка дня» или – во множественном числе – общественные «повестки дня». Предметом же в таком случае логично считать то, что сегодня значит в качестве темы доклада. В таком ракурсе данная научная проблема приобрела бы дополнительный интерес.

Скороходова О.С.: Многое из того, что я хотела сказать, уже сказано. Поэтому – буквально в двух словах. Полностью согласна с тем, что ничего плохого в рассогласованности «повесток дня» нет. Кто сказал, что ее не должно быть? С этой точки зрения, мне представляется, что автор не совсем методологически четко определил для себя то, что он вкладывает в понятие «повестки дня». Насколько я понимаю, традиционно данное понятие вписывается в рамки политического управления. Т.е. формирование «повестки дня» – это процесс управляемый. С этих позиций вызывает определенные вопросы необходимость рассмотрения личностной и межличностной «повесток». Также меня несколько смутил выбор стран, опыт которых предполагается исследовать: можно ли сравнивать страны с различными типами политических режимов? Дело в том, что в России «повестка дня», на мой взгляд, имеет во многом фасадный характер. В Америке же, что-то мне подсказывает, в формирование «повестки дня» вкладывается несколько

иной функционал. Американцы имеют довольно четкую внешнеполитическую стратегию, которая была сформирована лет сто назад, а у России с момента распада Советского Союза такой стратегии нет. Поэтому вызывает сомнения попытка сравнить вещи, не совсем между собой сравниваемые. В целом же, я надеюсь, что Александр Александрович ответит на все мои вопросы уже в тексте своего диссертационного исследования.

Сергеев С.Г.: По поводу названия. Возможно, имеет смысл переформулировать его таким образом: «Роль СМИ в установлении рассогласованности «повесток дня». Кто знает, может они действительно не устраняют, а устанавливают ее. Большие сомнения вызывает также тезис и о том, что рассогласованность «повесток дня» – это плохо. Может быть, лучше взять сферу российско-американских отношений и проанализировать роль СМИ в формировании их «повестки дня»? Если же брать одновременно и внутри-, и внешнеполитические аспекты, то это будет просто неподъемная задача. Тем более, что «повестка дня» – вещь очень гибкая и подвижная. Вопросы вызывает также и оправданность рассмотрения СМИ как единого политического субъекта: между собой они внутренне неоднородны. В целом, мне кажется, что тему лучше сформулировать более обобщенно, например «СМИ в управлении «повестками дня» или «Роль российских и американских СМИ в управлении «повестками дня» российско-американских отношений». Кроме того, представляется уместным в первую очередь оперировать понятием именно политической или публичной «повестки дня».

Санжаревский И. И.: Говоря об актуальности повестки дня семинара, отмечу, что газета «Взгляд» словосочетание «повестка дня» выделила в качестве «любимого словосочетания всего российского экспертного сообщества» (Кашин О. Повестка дня// Взгляд. Деловая газета от 17.10.2006 URL: <http://vz.ru/columns/2006/10/17/53191.html> (дата обращения 01.06.2011)), в котором существенную роль играют СМИ, с одной стороны, как средства коммуникации, с другой, как коллективные (редакции) и индивидуальные акторы (журналисты). Вполне естественно коллективный актер акцентирует внимание на свойствах, отражающих коммуникативную составляющую явления: публичное «извещение с вызовом, приглашением» к обсуждению, которое можно зафиксировать с помощью средств коммуникации и в дальнейшем тиражировать в СМИ (См.: Словарь бизнеса// Сайт газеты «Ведомости». URL: <http://www.vedomosti.ru/glossary/повестка> (дата обращения 01.06.2011)), индивидуальный – на содержательной стороне, на перечне вопросов, подлежащих обсуждению. Отсюда извечная проблема формирования повестки дня в СМИ, определяемая противоречиями между ролью «независимого посредника» (технологическая роль коммуникатора) и социально-политическим позиционированием.

Общественно-политическая коммуникация будучи объективной всегда субъектна. Повестка дня, складываясь социально-экономически, наряду со СМИ формируется субъектами политики, экономики, духовной и идеологической сфер, сфер науки, образования, обслуживания и т.д. Поэтому другим, системообразующим атрибутом «повестки дня», на мой взгляд, является наличие или отсутствие проблемы, определяемое самим субъектом коммуникации. Данный подход хорошо иллюстрируется с позиций теорий конфликтного управления.

Общественно-политическая, социально-экономическая потребность всегда связана с конкретным событием, которое становится «темой дня». Анализ механизмов процесса коммуникационного перехода «темы дня» в «повестку дня», когда тема может сформулировать самостоятельную повестку или стать составной частью уже существующей, является важнейшей научно-практической предпосылкой политологического понимания этой категории.

Другой важнейший этап политологического анализа процессов трансформации коммуникации в политическую сферу тесно связан с пропорциями количественно-качественного перехода от точки зрения (темы дня) к мнению (повестке дня) и от них к волеизъявлению и правовому оформлению. Политические механизмы перехода «мнения» в «волю», последующая (или нет) институализация раскрывают не только действенность, но и направленность существующих демократии.

Таким образом, для ответа на вопрос, «Что считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории?» представляется методологически продуктивным использование методологии объективизма и методологии институционального и субъектного подходов в политической науке.

Барышков В.П.: Прежде всего, хотел бы отметить, что сегодняшнее обсуждение прошло в удивительно продуктивной форме. На мой взгляд, необходимо углубить семантику самой «повестки» как таковой. Ведь что такое повестка? Известие, вызов, извещение, приглашение. День же – это сегодня. Стало быть, «повестка дня» – это извещение о сейчас. В этом семантическом плане СМИ, безусловно, формируют эту самую «повестку» – они извещают о сейчас происходящем. Лично мне представляется логичным исследование роли СМИ именно в данном контексте. «Повестка дня» предполагает, что это процедурный, кабинетный, технический аспект политики. Именно составление «повестки дня» стало для И.В. Сталина трамплином в его политической карьере.

Бормотов В.Е.: Мне не совсем понятен смысл, который автор вкладывает в понятие рассогласованности. Положительное это явление или отрицательное? На мой взгляд, скорее, положительное. Что было бы, если бы ее не было? Получается, что во всех без исключения СМИ писалось бы одно и то же. В этой связи, возможно, имеет смысл обозначить некоторые точки, в которых рассогласованные «повестки» должны пересекаться. Кроме того, я считаю, что существует реальная «повестка дня» – то, что действительно интересует людей, и выявить ее весьма сложно. Помимо нее, существует также и политическая «повестка», формирование которой является уделом профессиональных ньюсмейкеров от политики. Однако зачастую происходит так, что СМИ выражают мнение кого угодно, только не общества.

Некрасов А.В.: Лично мне представляется, что СМИ участвуют в процессе формирования внутриполитической «повестки дня» в минимальной степени. Скорее, они выступают трансляторами того, что уже существует, внося туда лишь определенные ситуативные изменения. Поэтому я предлагаю несколько изменить ракурс рассмотрения данной проблемы на «Роль СМИ в формировании внешнеполитической «повестки дня».

Богданов А. В.: Следует сказать, что данная тема очень актуальна и необычна в плане ракурса и постановки рассматриваемой проблемы. На мой взгляд, заявленная тема дает возможность, используя оригинальный (новый, иной) подход через «повестку дня», рассмотреть и проанализировать взаимоотношения государства и СМИ, СМИ и общества, общества и государства через СМИ.

Отвечая на первый блок вопросов, хотелось бы отметить, что в докладе А. А. Казакова даются определения «повестки дня», сформулированные не только зарубежными авторами, но и отечественными исследователями. Соглашаясь с приведенными в выступлении определениями, необходимо, на мой взгляд, обратить внимание на понимание «повестки дня», на основные характеристики, ее компоненты, которые в своих

работах выделяет известный российский политолог Глеб Олегович Павловский. Павловский пишет о том, что «повестка дня» – это в определенной степени «устойчивая система приоритетов», «система центральных тем» и, что немаловажно, «система ожиданий общества и его ориентация в текущем процессе». То есть это в любом случае процесс, характеризующийся обратной связью, без нее это уже не «повестка дня», а формально оглашенный план мероприятий государства, не отражающий действительных чаяний населения, а значит, исключающий возможность участия гражданского общества в делах государства.

Касаясь вопроса о разновидностях «повесток дня», на мой взгляд, целесообразно выделять внутреннюю и внешнюю «повестки дня». Если в основу деления положить принцип обратной связи, то можно выделить государственную и общественную «повестки дня».

Переходя ко второму и третьему блоку вопросов, я соглашусь с автором доклада в том, что отечественные СМИ контролируются государством, «повестка дня» им навязывается властной элитой, от которой СМИ зависят как экономически, так и политически. Но тогда возникает такой вопрос: если дать СМИ свободу, будут ли они в силу своей природы структурировать политические события в объективном ракурсе, не поддаваясь при этом воздействию эффектов «шоу» и «толпы»?

Ведь само общество «хватает» чужую, не свою «повестку дня». На самом деле обществу предлагается примерно 7 тем, плюс-минус две в зависимости от конъюнктурного политического процесса. При этом потребители, граждане как свободные люди самостоятельно формируют свое мнение и отношение, но именно к тем темам, фактам и событиям, которые вошли в «повестку дня». Таким образом, обществу уже заранее навязывается определенный вектор рассуждений по спланированным и тщательно подобранным темам, при этом не ущемляя права граждан в их «свободном выборе».

Поэтому нужно, чтобы контроль СМИ был не только и не столько государственным, но также и общественным, гражданским. Возможно, необходимо создать общественные структуры, так называемые независимые союзы (комитеты) общественно-политической «повестки дня», которые будут осуществлять мониторинг политических, и в том числе глянцевого, таблоидных, СМИ путем анализа опроса общественного мнения не только в регионах, но и на местах. Естественно, в эти организации могут приходить граждане и оставлять свои заявления на рассмотрение. Таким образом можно осуществлять и морально-нравственное, гражданское воспитание молодежи. При этом данные организации будут аккумулировать, агрегировать интересы общества, оформлять их, в свою очередь, в виде «повестки дня» и передавать в соответствующие государственные структуры.

Отвечая на четвертый блок вопросов, мне представляется, что исследовать роль СМИ в формировании «повестки дня» можно и применительно к опыту других стран, и применительно к своему историческому прошлому. При этом следует также осуществлять сравнение способов формирования «повестки дня» в глянцевого, таблоидных изданиях с государственными, оппозиционными изданиями, печатных – с электронными. В ходе такого анализа можно будет выявить ключевые моменты, механизмы формирования, а главное, причину, почему глянцевые и таблоидные издания популярнее новостных политических журналов. И, скорее всего, обнаружится, что немало зависит от формы подачи, в том числе от визуализации главных тем «повестки дня».

Заключительное слово

Казаков А.А.: Уважаемые коллеги! Я очень признателен вам за то, с каким интересом вы обсуждали подготовленный мной доклад. Ваши выступления и реплики дали мне очень много пищи для размышлений. Уверен, что на ее обработку мне понадобится не одна неделя. Теперь – несколько слов о наиболее часто встречавшихся сегодня замечаниях.

Что касается рассогласованности «повесток дня», то, наверное, это моя недоработка, что я не совсем понятно и доходчиво объяснил смысл, который вкладываю в это. Разумеется, как и вы, я не являюсь сторонником того, чтобы «повестка» была одна. Говоря о рассогласованности, я имел в виду то, что эти «повестки» друг другу полностью противоречат или когда на публику говорится одно, а в реальности делается совершенно другое. Если хотите, это сродни тому, когда музыканты оркестра играют по разным нотам – каждый свое.

Согласен с вами в том, что в представленном докладе присутствует элемент идеализации. Естественно, изучать я намерен не теорию, а то, как есть на самом деле. Однако считаю, что при этом неплохо было бы держать в голове и то, как должно быть в идеале.

Наконец, по вопросу о масштабе исследования. Соглашусь с вами, что вряд ли стоит брать одновременно и внутреннюю, и внешнюю политики. Скорее, имеет смысл сконцентрировать внимание на каком-то более локальном сюжете.

Еще раз благодарю вас за участие в работе сегодняшнего семинара. Все ваши замечания и рекомендации я обязательно постараюсь учесть в своей дальнейшей научной работе.

Шестов Н.И.: Как человек, имевший некоторое отношение к формированию повестки сегодняшнего заседания, я ощущаю некоторую рассогласованность на уровне личного сознания. В науке есть уже достаточно устоявшиеся подходы. Суть одного из них огрубленно можно сформулировать так: «СМИ – это «четвертая власть». Противостоит данному подходу представление о том, что «СМИ – это ничто». А не лучше ли, вообще, при анализе ситуации исходить просто из факта наличия СМИ? Они есть. Не хорошие и не плохие, но деваться от них все равно некуда. Поэтому и изучать их нужно лишь потому, что они есть. Может, здесь попахивает каким-то научным ревизионизмом, но почему нет? С позиций выделения объекта и предмета анализа, на мой взгляд, возможны два подхода: статический и динамический. И именно то, на какую позицию встанет Александр Александрович, и будет определять структуру его аналитической работы. Статика предполагает изучение вполне конкретной «повестки дня» с выделением точки отсчета ее формирования, основных этапов, конечного результата и последующим доказательством объективности полученных выводов. Более продуктивным мне представляется динамический подход, предполагающий рассмотрение «повестки» как постоянно развивающегося за счет создания новых уровней, информационных каналов и т.п. процесса. Здесь можно будет сосредоточить внимание на проблемах устойчивости и неустойчивости «повестки дня», на механизмах повышения и понижения ее актуальности.

Вполне возможно, было бы очень интересно с ревизионистских концепций проанализировать распространенные сегодня концепции информационного общества – создав авторскую теорию среднего уровня, охарактеризовать информационное общество не как внешний контекст происходящих сегодня политических процессов, а как некий сформированный усилиями общества, элит и СМИ один из механизмов внутренней саморегуляции общественных отношений.

Наконец, в отношении реплики Александра Алексеевича о возможности рассмотрения СМИ в качестве самодостаточного объекта исследования. Мне кажется, что делать это можно. Информация, которую актуализируют СМИ, обладает определенной потребительской стоимостью. То, что медиа не так активно реагируют на запросы общества, может быть связано с тем, что здесь у них есть достаточно серьезные конкуренты в лице других каналов коммуникационного взаимодействия.